

Революционное оборончество

Сейчас происходит своего рода состязание между военно-техническим перевооружением Германии и морально-политическим перевооружением Сов. России. От того, кто в этом состязании обгонит и придет к состоянию «готовности» первым, зависит судьба двух великих стран и режимов, а через них, может быть, и судьба всего современного мира. Но если морально-политическое перевооружение России, осуществляемое Сталиным в его теперешней реформаторской деятельности, не будет им своевременно довершено или окажется неискренним и непоследовательным, то для России, если она вступит в войну в теперешнем политическом состоянии, спасение может быть лишь в одном: в — по возможности — немедленном перевороте и свержении существующей власти, ибо в теперешнем виде, в состоянии внутренней войны этой власти с народом, она воевать не может.

Это последнее, пока еще есть время, нужно заявить со всей правдивостью и категоричностью. Тактика лжи есть вообще плохая тактика, — тактика трусости и слабости. Здесь же, в этом случае такая тактика была бы преступлением. Ибо скрывать главное, решающее зло, зло не будь которого России не только никакая война не была бы страшна, но она теперь и невозможна была бы, значит заведомо препятствовать возможному преодолению этого зла.

Если же не лгать (из псевдо-тактических соображений) и положение изображать таким, каково оно есть, то нужно со всей определенностью сказать, что в массе своей народ сейчас ждет войны, как избавления. Те, кто соприкасаются с гущей его и кому открыто его доверие, знают это и в один голос подтверждают.

Нас это, разумеется, не радует и не восхищает, мы должны признать это за прискорбнейший факт, но, тем не менее, это факт, и из него нужно исходить, с ним нужно посчитаться.

Именно поэтому нужно тут же со всей решительностью осудить косвенно предательскую работу т. н. оборонцев-примиренцев. Они своими слишком поспешными выражениями верноподданнических чувств теперешней власти создают иллюзии у нее, что ей в случае войны в тылу ничто не угрожает. Этим они противодействуют тем превентивным процессам, которые из страха перед гневом и возможной расправой народной, заставили бы власть пойти на соответственные уступки. Так безвозгладе, беспринципное, действующее «оборончество» на деле обращается в фактор способствующий в будущем поражению России, в фактор работающий на руку ее иностранных врагов, ибо этим последним больше всего хотелось бы,

чтоб теперешнее состояние войны власти с народом осталось неизменным. В этом ведь и состоит их расчет на легкость победы.

В сравнении с такой медвежьей услугой делу обороны уж менее вредна — при всем ее позоре, позиция открытых пораженцев. Ибо благодаря им, те, от кого столь многое зависит, по крайней мере могут ясно видеть, что их в случае войны ждет и на что они могут рассчитывать.

Однако, таким способом не только создаются иллюзии у власти, но, что еще хуже, — таким образом дезориентируется и народ, который благодаря этому утверждается в той гибельной альтернативе, что ему ничего не остается, как идти — или со своим внешним врагом — завтрашним поработителем, или со своим внутренним врагом — сегодняшним поработителем. И, конечно, народ, мыслящий конкретным и непосредственным образом, отталкивается от зла ближайшего и данного более, чем от зла отдаленного и только еще возможного.

Суть же вопроса, исходный момент его решения в том и состоит, чтоб разрушить эту трагически-безнадежную, гибельную и ложную альтернативу, в силу которой якобы, вообще существует лишь два возможных решения — или с внешним врагом русского народа или с его внутренним врагом, т. е. и в том, и в другом случае против него.

В действительности, существует три возможных решения этого вопроса и, следовательно, три возможных позиции, — это, во-первых, примиренческое оборончество, во-вторых, контрреволюционное пораженчество и революционное оборончество — в третьих. Другими словами эти различия означают — или контакт с внешним врагом русского народа или сотрудничество с его внутренним врагом или единство с русским народом против того и другого его врага. Последнее и есть революционное оборончество, — третье решение, единственно отвечающее и нашему общему политическому положению, и нашему национальному достоинству, и, наконец, простому здравому смыслу.

Обычные два других решения ходки потому, что они идут по линии наименьшего сопротивления. Третье же решение, третья позиция есть линия наибольшего сопротивления, но зато это подлинное решение, зато это единственно достойная нас позиция. Возможные возражения в ее трудности — верны, но в ее реальной невозможности — ложны. Ибо этому противоречат известные исторические факты. Наша Февральская революция произошла во время войны. Однако, это не вывело Россию из строя. И если бы повое революционное правительство было тогда на своем месте, и не предательская работа большевиков, то война могла бы не только продолжаться, как она фактически продолжалась в течение нескольких месяцев, но и закончиться победоносным образом. Таков же факт революционных войн эпохи Французской революции, бывших даже исключительными по своим размерам и успеху. Можно было бы привести и еще примеры такого же рода.

Но такая революционно-оборонческая позиция не только реальна, ее реальность, в известном смысле, принудительная. Мы почти все считаем, что переворот в случае войны будет неизбежным. Но в таком случае нужно и тактику строить, исходя из этого неотвратимого положения. Поэтому также такая позиция революционного оборончества, подтверждаемая историческими прецедентами, не только свободна от того морально-политического одиума, печать которого лежит на двух других решениях, ибо оба они означают союз с одним из врагов России и русского народа, но — что самое главное — будучи линией наибольшего сопротивления, борьбой на два фронта, она обещает, таким образом, не только возможность успешно справиться с внешним врагом, тем более, что при сохранении теперешней власти по-

ражение все равно неизбежно, но она представляет также удобный способ, пользуясь моментом войны, разрешить и наш внутренний политический кризис.

Но больше того, — ведь если занять оборонческо-примиренческую позицию теперь, то пришлось бы не только задним числом осудить Февральскую революцию 1917 г. и революцию 1905 г., что, правда, имеет уже только исторический интерес, но — что уже имеет и политическое значение — пришлось бы уже теперь, **заранее** осудить и то возможное, а по нашему мнению, неизбежное народное револ. движение, которое вызовет будущая война. Этот в высшей степени шепетильный вопрос нужно оборонцам-примиренцам ставить в упор: что если в момент ожидаемой войны, произойдет народная революция, а это не праздная гипотеза, а почти неизбежный факт, то что они не «примут» ее и осудят, будут участвовать, хотя бы только морально, в ее подавлении? И не целесообразно ли, также и для дела обороны, предвидывая этот неизбежный факт, быть тактически готовым к нему, чтоб, будучи в момент его свершения с народом, а не против него, обратить его революционные энергии в революционную войну, в революционную оборону? Ибо иначе эти революционные энергии обратятся или в стихию анархии или в изменническую стихию поражения.

Такова в общих чертах наша позиция. Повторяем, она предполагает, что к моменту войны теперешнее политическое положение в России останется неизменным. И это наша давнишняя установка, формулированная нами впервые еще в 30 году. Но тогда мы с этим решением были здесь в эмиграции еще совершенно одиноки. Теперь, как будто, к нему приближаются и некоторые другие группировки, в частности, группа ген. Деникина. — Однако, с той существенной разницей, что там нужно говорить не о революционном, а о контрреволюционном оборончестве. А в этом все дело. Контрреволюционное оборончество есть оборотная сторона лжи примиренческого оборончества, ибо оно переводит вопрос в исторически изжитую антитезу борьбы «красных» и «белых», превращает проблемы обороны и стабилизации новой, пореволюционной России в рецидив старой и уже преодоленной трагедии. Следовательно, для подлинного оборончества и подлинно революционного оборончества нужна соответственная прогрессивная идеология, которая бы не только не осложняла и не парализовывала дело обороны, но, будучи и политическим Исходом из современного нашего исторического кризиса, благоприятствовала бы и форсировала его.

II. Боранецкий.

Выделить Сталина?

В политике очень легко быть минималистом, также как легко быть и максималистом. Но очень трудно быть тем и другим, т.е. уметь сочетать то и другое, уметь находить в каждом изгибе живой действительности такой *modus vivendi*, чтоб он не был, с одной стороны оппортунизмом, а с другой — утопизмом. В этом замысле мы усматриваем возможность нового высшего стиля политики, политики живой, целостной, гармонической, охватывающей жизнь во всей ее полноте. Собственно, это означает только обрести в ней нормальное зрение, что так трудно дается в исторической атмосфере — и не страдать ни близорукостью, ни дальнорукостью — болезнями обычными в этой области.

Верные этой своей общей установке, мы с ней подходим и к вопросам современной советской действительности. Это нам позволяет одновременно видеть и ее дали, и ее повседневность и последнюю глубину ее, и ближайшую поверхность. С таким лишь подходом нужно оценивать и реформаторскую деятельность Сталина, которая, быть может, сделает возможным мирное и бескровное переключение революционного процесса в ту высшую творческую стадию его развития, без чего станет необходимой и неизбежной новая Третья Революция. Главное же, такой, своевременно сверху проведенный переворот, один мог бы предупредить, вплотную надвинувшуюся войну, которая в противном случае станет неизбежной. А такая война будет катастрофической не только для России, но в первую очередь для теперешней власти, — при этом, трудно даже представить себе, во что выльется то море ненависти народной, которое скопилось за эти двадцать страшных лет.

Каждая историческая смена может произойти мирным, органическим путем, или революционным, катастрофическим. В лучшем, мирном случае — революционный кризис в России должен необходимо пройти через три фазы: от ленинской негативной стадии через некую переходную освободительную к грядущей конструктивной стадии, которую принесут люди, вышедшие из Революции, но изжившие и превзошедшие ее первый негативный этап. При таком ходе разви-